
ФИКТИВНАЯ
ЖЕНА ОРКА
ЭЛИССА ТИР

Элисса Тир
Фиктивная жена орка

https://litres.ru/74694383

Аннотация

ОДНОТОМНИК Я так долго ждала его возвращения, но он не поверил, что я беременна от него! Семья от меня отвернулась, в деревне кличут блудницей, а любимый называет падшей. И что мне оставалось делать? Куда идти и на что кормить ребенка? Поэтому я согласилась стать фиктивной женой орка, ведь мне никто больше не соглашался помочь.

Большой, опасный, но заботливый орк Трудности, через которые герои пройдут вместе Беременная героиня Счастливый финал

Еще орки от меня:

Содержание

Глава 1. Чужой 4
Глава 2. Тот вечер 6
Глава 3. Позор 11
Глава 4. Чужак в повозке 17
Глава 5. Ярмарка чужаков 22
Глава 6. Разговор с орком 28
Глава 7. Условия 32
Глава 8. Важный разговор 36
Глава 9. Прощание 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Глава 1. Чужой

– Это не мой ребенок.

Я слышала его голос, но не узнавала его. Словно не Дарьян стоял передо мной в сером плаще в дорожной пыли, а чужой, холодный мужчина с глазами цвета зимнего неба. В этих глазах я когда-то утонула. Но сейчас они смотрели на меня с ледяным спокойствием.

– Что? – выдохнула я, и мой голос дрогнул.

– Ты слышала, Нина. Ребенок, которого ты носишь, не от меня.

Он сказал это так буднично, так ровно, словно объяснял, что зима сменит осень. Я прижала ладони к животу. Там уже четыре месяца рос наш ребенок. Каждую ночь я шептала имя Дарьяна, которого ждала так долго.

– Дарьян. – Я сделала шаг вперед, но он не двинулся навстречу. – Как ты можешь такое говорить? Я любила тебя. Я ждала тебя. Я была верна тебе каждую проклятую ночь, пока ты был там, в своем княжьем отряде!

– Любила? – В его голосе проскользнуло что-то похожее на усмешку, и это больнее любого удара. – Нина, между нами было всего ничего. Один раз. Одна ночь. И в ту ночь ты не могла забеременеть.

Мир вокруг пошел рябью. Я стояла у старой конюшни, где пахло сеном и прелой листвой, а внутри меня целая вселен-

ная рушилась.

– Не могла? – переспросила я, и пальцы сами сжали ткань платья. – Откуда ты можешь знать, что я могла, а что нет?

– Потому что меня не было здесь четыре месяца, Нина. Четыре. – Он поднял руку и стал загибать пальцы. – А в тот раз… – он замолк, и вдруг его лицо ожесточилось. – В тот раз я принял меры. Я не хотел, чтобы ты ждала меня с бременем.

Земля ушла из-под ног. Я знала, что он врет. Ведь помнила все, что было между нами. Я открыла рот, но слов не нашлось. Только воспоминания, горячие и липкие, накрыли меня с головой.

Глава 2. Тот вечер

Была середина марта. Месяц выдался теплый, но меня это не радовало. Я сидела на завалинке у дома и плакала. Весть о том, что князь собирает отряд и Дарьяна забирают на службу, разбила мне сердце раньше, чем он сам успел сказать хоть слово. Мы были просто соседями, просто знакомыми, просто людьми, которые украдкой смотрели в одну сторону. Но в глубине души я надеялась, что он однажды посмотрит на меня с тем же обожанием, что и я на него.

– Нина? – Его голос застал меня врасплох. Он вышел из-за угла с охапкой дров для бани, но остановился, заметив мои слезы. – Что случилось?

Я вытерла щеки рукавом, но разве это помогло? Слезы текли сами.

– Слышала, что тебя забирают, – прошептала я, – в отряд князя.

Он помолчал. А потом бросил свою охапку наземь, перелез через забор на наш участок и подошел. Он сел рядом. Так близко, что я чувствовала запах хвои, идущий от его рубахи.

– Нина, – сказал он тихо. – Ты чего плачешь-то? Вернусь я.

– А если нет? – всхлипнула я. – Если убьют тебя в первом же бою? Если… если…

Он взял меня за руку. Его ладонь была шершавой, мозо-

листой, но такой теплой. Я посмотрела на него сквозь слезы и увидела, как его лицо стало серьезным.

– Посмотри на меня, – велел он, и я послушалась. – Я вернусь. Слышишь? Я даю тебе слово. И когда вернусь, пойду к твоему отцу свататься. Я давно уже собирался, просто… – Он усмехнулся. – Все не решался сказать.

Сердце мое тогда сделало кульбит. Я любила его давно, тайно, боясь признаться даже себе. Неужели наши чувства взаимны?

– Правда? – прошептала я.

– Правда, – ответил он и улыбнулся. И я начала таять. – Жди меня, Нина.

А потом он поцеловал меня. И все поплыло: небо над головой, и ветер вдруг стал обжигающим, и мое обещание ждать его хоть вечность проскользнуло между нами. Тот вечер кончился тем, что мы оказались в бане вместе. Я отдала ему себя всю, без остатка, потому что верила: он вернется. И он сказал, что женится.

И моя жизнь стала бы прекрасной. Мечта воплотилась бы в реальность.

И вот он вернулся, но сказки не случилось.

– Дарьян, – теперь мой голос дрожал, но я пыталась взять себя в руки. – Ты клялся мне. Ты обещал. Ты сказал, что любишь меня.

– Я ошибся, – отрезал он. И в этом коротком слове, на меня обрушилась вся жестокость мира. – Нина, я не знаю,

от кого ты понесла, но не от меня. В тот вечер я все сделал правильно. Это невозможно.

– Но это был только ты! – закричала я. Несколько деревенских, что работали на конюшне, обернулись на нас. – Клянусь всеми богами, Дарьян, я ни с кем больше! Как ты можешь? Как ты можешь отрицать собственного ребенка?

Он молчал. Просто смотрел на меня сверху вниз. Высокий, чужой, с этой княжьей выправкой, которой раньше не было. И вдруг я поняла: его не было четыре месяца. А я на четвертом месяце. Он вновь считал. Все же не верил мне. Думал, что я намеренно его обманываю.

– В тот раз… – начал он, но я перебила.

– Тот раз был ровно за день до твоего ухода. Я помню каждую минуту того вечера. Неужели ты думаешь, я могла быть с кем-то еще через день после того, как ты уехал?

– Не знаю, Нина. – Он пожал плечами, и этот равнодушный жест добил меня окончательно. – Люди меняются. Я вот изменился за это время.

Я это видела.

Он ушел. Просто развернулся и пошел прочь, хрустя новыми сапогами по веткам, что лежали на тропе. Я смотрела ему вслед и чувствовала тошноту. То ли от беременности, то ли от неожиданного предательства.

А ведь я еще не сказала родителям.

Мать уже трижды за эту неделю заметила, что я «поправилась». Сначала она шутила: «Что это ты, Нина, как купе-

ческая дочка?» Потом хмурилась, глядя, как я отказываюсь от корсета. А вчера она зашла в мою комнату, когда я переодевалась, и замерла, глядя на мой округлившийся живот.

– Нина, – спросила она тогда напряженным голосом. – Что с тобой?

Я солгала. Сказала, что просто объелась пирогов. Она не поверила. Я видела это по ее глазам. Но промолчала. Я верила, что Дарьян вернется и моя жизнь наладится. Что мы будем вместе. Что станем семьей.

А теперь Дарьян все отрицал. Я с его ребенком под сердцем понимала, что сказать правду родителям придется уже сегодня. Потому что завтра может быть поздно. Потому что мой живот уже не скрыть, а мать не дура.

Но что я скажу им? Что отец моего ребенка – тот, кого я любила больше жизни, – назвал меня лгуньей?

Я провела ладонью по животу. Малыш. Наш малыш.

– Он вернется, – прошептала я, но сама не поверила своим словам. – Он передумает.

Вдалеке хлопнула калитка. Я подняла голову и увидела мать. Она стояла на пороге нашего дома, сложив руки на груди, и смотрела прямо на мой живот.

– Нина, – позвала она, и в ее голосе не было вопроса. Только требование правды. – Зайди в дом. Нам нужно поговорить.

И я пошла, потому что прятаться больше нет смысла. Моя жизнь кончилась. Если только не случится чудо.

___

Как думаете, то случится?

Глава 3. Позор

Мать ждала меня в горнице. Свечи еще не зажигали, и серый вечерний свет делал ее лицо похожим на маску: ни гнева, ни жалости, только каменное спокойствие, которое страшило больше любых криков.

– Сядь, – велела она, кивнув на лавку.

Я села. Руки я сложила на животе, прикрывая его, словно это могло что-то изменить. Мать стояла напротив, скрестив руки на груди, и смотрела так пристально, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

– Я ждала, что ты сама скажешь, – начала она тихо. – Думала, у тебя хватит совести. Ты моя дочь, Нина. Я носила тебя под сердцем, я кормила тебя грудью, я учила тебя уму-разуму. И что в итоге?

– Мама…

– Не перебивай! – Голос матери сорвался на крик, и я вздрогнула. – Сколько месяцев? Отвечай.

– Четыре, – прошептала я.

– Четыре! – Она всплеснула руками. – Четыре месяца ты носишь под сердцем дитя, а родители ничего не знают! Ты понимаешь, какой позор ты на нас навлечешь? Что люди скажут? Что ты гуляла непонятно с кем?

– Это не «непонятно с кем»! – воскликнула я, вскакивая. – Это Дарьян! Мы любили друг друга, он обещал жениться!

– Дарьян? Обещал? – Мать горько рассмеялась. – И где же твой жених, Нина? Где кольцо на пальце? Где сваты? Я видела, как он развернулся и ушел от тебя. Весь день сегодня судачат, что Дарьян вернулся. Но что-то он не пришел свататься, а вот ты бегаешь за ним, как полоумная. И что-то радости на его лице я не увидела от новостей, которые ты так старательно скрывала от нас.

– Он просто испугался, – выдавила я, хотя сама уже не верила в это. – Он одумается.

– Одумается? – Мать подошла ко мне вплотную. Ее глаза блестели то ли от гнева, то ли от слез. – Девочка моя глупая. Мужчины, которые отрекаются от своих детей, не одумываются. Они трусы. А ты теперь будешь одна пожинать плоды своей глупости.

Я опустила голову. Слезы катились по щекам, и я не могла их остановить.

– Я думала, он меня любит, – прошептала я. – Он говорил… он клялся…

– Мало ли кто что говорит! – Мать вздохнула, и вдруг ее голос стал усталым, почти безжизненным. – Назад сделанного не воротишь. Теперь нужно думать, что делать дальше. Отец скоро вернется. Ты знаешь его характер.

Я знала. Отец был крут нравом, но справедлив. По крайней мере, мне так всегда казалось.

– Я все объясню ему, – сказала я, вытирая слезы. – Он поймет.

Мать посмотрела на меня с такой жалостью, что у меня дрогнуло сердце.

– Ох надеюсь, – сказала она с тяжелым вздохом.

Вечер тянулся бесконечно. Я помогла матери по хозяйству, но делала все машинально, словно не здесь, не в своем теле. Мы не разговаривали. Только тишина, тяжелая и липкая, стояла между нами.

Мать несколько раз подходила к окну, выглядывая на дорогу. Отец задерживался. Обычно он возвращался из кузницы засветло, но сегодня, видно, работы было много. Или кто-то из соседей перехватил его, чтобы поболтать.

Я боялась этого. Боялась, что отец узнает все не от меня, а от чужих людей. Потому что тогда он воспримет это как предательство. Как удар в спину.

– Иди спать, – сказала мать. – Нечего тебе ему на глаза попадаться.

– Нет. – Я покачала головой. – Я должна сама сказать ему.

Мать ничего не ответила. Только покачала головой и ушла в свою комнату.

Я осталась одна в горнице. Свеча догорала, отбрасывая пляшущие тени на стены. Я сидела на лавке, прижимая руки к животу, и шептала:

– Прости меня, малыш. Прости, что отец твой струсил. Но я справлюсь. Я сделаю все, что понадобиться ради тебя.

На улице залаяла собака. А потом я услышала тяжелые шаги отца.

Дверь распахнулась с протяжным скрипом и громко ударила о стену. Я вздрогнула. Отец стоял на пороге. Широкоплечий, с черными от работы руками, с суровым лицом. Он покраснел, словно от гнева. Таким я видела его всего однажды: когда его обокрали.

– Папа… – начала я, вставая.

– Молчать! – рявкнул он. – Я все знаю. Все! Мужики на конюшне языками чесали, не стеснялись. Вся деревня знает, что моя дочь – шлюха!

– Я не шлюха! – закричала я в ответ. – Я любила Дарьяна, и он обещал…

– А где он теперь?! – Отец шагнул ко мне, и я отшатнулась к стене. – Где твой любимый, а?! Я за ним завтра пойду. Я ему голову сверну! Но это не снимет позора с нашего дома! Ты опозорила меня, Нина. Опозорила всю нашу семью!

– Папа, пожалуйста… – Я упала на колени. – Прости меня. Я не хотела. Я правда верила…

– Верила! – Он расхохотался, но смех был страшнее крика. – Дура ты, а не дочь. Доверилась раздолбаю, раздвинула ноги, а теперь ходишь пузатая и позоришь отца!

Я зарыдала:

– Я любила его! Мы росли вместе, я знаю его всю свою жизнь, он хороший! Я ждала его, я надеялась…

– А надо было дома сидеть! – Отец схватил меня за плечо и рывком поставил на ноги. – Надо было слушать мать! А раз ты решила, что самая умная, то вон из моего дома.

Сердце остановилось.

– Что? – прошептала я.

– Вон, говорю! – Он указал на дверь. – Убирайся. Не хочу видеть тебя, боюсь, пришибу. Грех на душу брать не хочу

– Папа, но куда я пойду? – Я посмотрела на него, надеясь увидеть хоть каплю жалости. Но в его глазах была только злость. – На улице ночь. Мне некуда идти.

– А я не знаю, куда тебе идти! – Он развернулся и ударил кулаком по косяку так, что дерево затрещало. – Вот и иди к своему женишку.

Из своей комнаты вышла мать. Она посмотрела на отца, потом на меня. Ее лицо было белым, как полотно.

– Опомнись. Она же дочь наша. Куда она пойдет ночью? – тихо сказала она.

– А мне плевать! – заорал отец. – И ты молчи! Ты ее воспитала, ты и отвечаешь за нее. Если бы не твоя мягкотелость, сидела бы девицей до свадьбы, а не брюхатой шлялась по деревне!

Мать замолчала. Опустила глаза. И я поняла, что она не заступится. Потому что отец в доме голова, и перечить ему нельзя.

– Я уйду, – сказала я тихо. – Не надо ссориться.

Я вышла в сени. Накинула старый материн теплый, хоть и дырявый плащ. Обулась наспех. Взяла с полки краюху хлеба, которую мать испекла утром.

Отец ждал, его глаза горели гневом. Мать стояла в дверях

горницы и плакала, но не сказала ни слова.

Я вышла во двор. Ночь была теплой. Повезло. Звезды горели ярко, но мне казалось, что они смеются надо мной.

Сарай – единственное место, где можно было укрыться. Я толкнула скрипучую дверь, вошла в темноту, пахнущую сухой травой. Нашла в углу сено, сгребла его в кучу, села.

Хлеб я положила рядом. Есть пока не хотелось. Внутри все сжалось в тугой комок.

– Ничего, малыш, – прошептала я, поглаживая живот. – Мы справимся. Это временно. Отец остынет и позовет назад. Он же не зверь. Он просто вспыльчивый.

Но в глубине души я не верила своим словам. Отец гордый. И если он сказал «вон», то назад позовет не скоро. А может, и не позовет вовсе.

Я закрыла глаза и попыталась уснуть. Но сон не шел. Я лежала в сарае, смотрела на щели в крыше, где мерцали звезды, и думала о том, что моя жизнь, которую я так красиво распланировала (Дарьян, свадьба, дом, дети) рассыпалась в один миг.

Остались только я и ребенок. И надежда, что отец образумится.

Глава 4. Чужак в повозке

Прошла неделя. Семь долгих, как вечность, дней.

Я научилась просыпаться затемно, когда небо ещё сизое. В сарае по утрам прохладно даже в середине лета, даже когда днём воздух стоит как кисель. Я натягивала дырявый материн плащ, прятала под него живот и выскальзывала во двор, стараясь не скрипнуть дверью.

Если бы отец застал меня в сарае, то выгнал бы и оттуда. Я не сомневалась.

Дни я проводила в деревне. Но не как раньше с подругами, с песнями, с венками из ромашек. Теперь я была для всех чужой. Прокажённой. Позорной.

Я обходила дворы, стучалась в калитки, предлагала любую работу: полы помыть, бельё постирать, огород прополоть, скотину убрать. Мне не нужно было платы, только еда. Кусок хлеба. Миска похлёбки. Мать меня подкармливала, но я переживала, что отец это заметит и еды резко не станет. Поэтому искала способ достать ту самостоятельно. С утра уходила в лес, а после обеда искала способ раздобыть работу в деревне. Сейчас я еще могла прятаться в сарае, но если отец заметит, то и крыши над головой я лишусь.

Но люди отворачивались.

– Не надо нам таких, – бросали мне в лицо и захлопывали дверь.

– Сама виновата, нечего отца позорить, коли замуж не берут.

– Ступай к своему Дарьяну или кто там отец твоего ребенка, пусть кормит.

Дарьян… О нём я старалась не думать. Но слухи ползли по деревне, как змеи. Его видели каждый вечер в кабаке. Он пил с бывшими сослуживцами, кидался медяками, громко смеялся и обнимал девок, которые раньше на него и не смотрели. Теперь они вились вокруг него. У него водились деньги, которые он охотно тратил, и истории со службы, за которые его уважали. И ему было плевать, что где-то в сарае ночует беременная от него девушка.

– Видели твоего женишка! – крикнул мне как-то Кузьма, сын кожевника, когда я шла по улице. Он сидел на заборе с приятелями. – Он теперь с Варей за стойкой обжимается. Хороша парочка!

Я опустила голову и пошла быстрее. Вслед мне летели камни от детей. Небольшие. Может, для смеха. Но один попал в спину, и я вскрикнула.

– Не ной, брюхатая! – заржал ребенок и рассмеялся.

Дети бежали за мной следом и дразнились:

– Нина – блудница, Нине в дом не войти, Нинин ребёнок без отца будет жи-и-ть!

Я зажимала уши руками, но их визг проникал сквозь пальцы.

Женщины постарше, встретив меня у колодца, замолка-

ли и отворачивались. Только Меланья, старая знахарка, один раз сунула мне краюху хлеба, прошептав: «Держись, милая. Судьба не без милости». Но остальные будто поставили на мне клеймо.

Я искала работу, но никто не брал. Даже к княжескому приказчику на гумно. Там, бывало, брали всех, кому силы хватало. Но приказчик, глянув на мой небольшой живот, махнул рукой:

– С такой только возиться. Иди отсюда.

На исходе седьмого дня я сидела на околице, под старой ивой, и смотрела в поле. В руках у меня был последний кусок хлеба. Я отщипывала от него крошки и ела медленно-медленно, чтобы обмануть голод.

Солнце клонилось к закату. Скоро ночь. Снова сарай, холод, сено и страх, что отец проснётся раньше и застанет меня. Я боялась даже этого сарая лишиться. Потому что куда ещё мне пойти? Я всю неделю пыталась найти новый кров, но ничего не получалось. В лес? Там волки. В поле? Там роса вымочит до костей.

Сейчас середина лета. Еще тепло. Но я с ужасом думала о зиме. Когда придут морозы, когда снег завалит всё, где я буду с младенцем? В сарае? Мы замёрзнем насмерть. Никто не пустит к себе. Никто не пожалеет.

Может, уйти в другое селение? Туда, где меня не знают. Сказать, что я вдова, что мужа убили на княжеской службе. Может, пожалеют. Наймут в услужение. Дадут кров и кусок

хлеба для ребёнка.

Я сжимала пальцами подол и раскачивалась взад-вперёд. Страшно. Одна, с животом, в чужих местах. Вдруг там ещё хуже? Вдруг не пустят? Вдруг побьют?

Но здесь оставаться – значит медленно умирать.

Я подняла глаза на дорогу, ведущую в деревню, и замерла. Что-то приближалось, и я напряженно всматривалась.

Пыль столбом. Грохот колёс. Лязг цепей.

Караван.

Я раньше такого не видела, только слышала от странников. Большие повозки. Кони огромные, лохмоногие, как у северян. И охрана. Они не люди, они зеленые.

Я напряглась. Орки в наших краях – редкость. Говорили, они ходят с караванами купцов, нанимаются за золото. Высоченные, плечистые, с клыками и жёлтыми глазами. Детей ими пугали. «Не будешь слушаться, орк придёт и заберёт тебя».

Я смотрела на процессию. Тяжёлые повозки, скрип, крики погонщиков. Четверо орков верхом на мохнатых лошадях, даже в седле они казались великанами. Я видела зелёную кожу, широкие челюсти.

Одна повозка поравнялась со мной. Окно в ней было прикрыто тканью, но ветер колыхнул край, и внутри я увидела фигуру. Тоже огромную. Кто-то сидел там, в полутьме, и смотрел наружу.

На меня.

Я не могла отвести взгляд. Он тоже не отводил. Жёлтые глаза, даже в сумерках горящие, как угли. Лицо широкое, с выступающими клыками. Но в этом лице не было той звериной тупости, о которой шептались бабы. Он смотрел осмысленно. Устало. И будто бы с любопытством.

Повозка проехала мимо. Караван двигался к деревне, оставляя за собой пыль и гул.

А я всё сидела под ивой, и сердце моё бешено колотилось.

Орк.

Он видел меня. А я его.

И отчего-то мне стало не страшно. Только холодок пробежал по спине от странного, неясного чувства. Словно что-то щёлкнуло в воздухе. Словно привычный мир дал трещину.

Я прижала ладонь к животу. Жизнь менялась стремительно, но может не все перемены к худшему?

Глава 5. Ярмарка чужаков

Караван не ушёл.

На следующее утро я выглянула из сарая и увидела их повозки на лугу за околицей. Их выстроили кругом. Близко к деревне, но не пугающе. Лохмоногие кони паслись на привязи. В воздухе пахло дымом и незнакомыми пряностями.

Орки сновали туда-сюда. Я насчитала десять, но могла и ошибиться. Я старалась не смотреть на них слишком долго, чтобы никто не заметил моего интереса.

Первые два дня я пряталась. Не ходила в лес: боялась наткнуться на орков. Вдруг они охотятся там? Вдруг им нужны люди? С детства меня пугали рассказами о зелёных дикарях, которые едят младенцев и пьют кровь девушек. Теперь, глядя на них, я понимала, что страшилки – это просто страшилки. Они вели себя обычно. Носили простую одежду, смеялись, заботились о лошадях. Все, как у людей.

Но я не доверяла своим чувствам, на всякий случай держалась подальше. Все же они чужаки.

Из-за того, что я перестала ходить в лес за грибами и ягодами, еды стало совсем мало. Мать иногда подсовывала мне краюху хлеба или варёное яйцо, когда отца не было рядом. Но она боялась. Я видела это по её глазам. Она металась между жалостью ко мне и страхом перед мужем. Я не винила её. В нашем доме слово отца – закон.

И, к сожалению, отец не просто не смягчался со временем, он ожесточался все больше. В последний раз когда мы случайно пересеклись в деревне, он шел с товарищем и, когда тот заметил меня, то отец плюнул мне под ноги, явно давая понять, что мою беременность он не одобряет.

Так я и поняла, что прощенья не дождусь. Все мои надежды, связанные с родителями, погасли. И на удивление, я не впала в отчаяние, наоборот, стала думать, что делать дальше.

На третий день двое орков пошли к старосте. Они были без оружия, смирные, даже кланялись на пороге. Я сидела за плетнём на задах своего участка и видела их через щель. Один из них старый орк с жёлтыми мудрыми глазами. Второй был пониже и все время двигался, словно не мог стоять на месте, но сдерживался. А его энергия пробивалась через микро-движения.

Они пробыли у старосты около часа. Потом ушли, и больше в тот день я их не видела.

На четвёртый день орки снова были у старосты. И на пятый. Я гадала, зачем они приехали. Может, хотят продать свои товары? Или нанять людей на работы? Или ищут что-то в наших краях?

Слухи по деревне ползли. Бабы шушукались у колодца, мужики хмуро поглядывали в сторону лагеря. Никто не знал правды, но все боялись.

– Говорят, они разбойники, – шепнула мне Меланья, когда я случайно встретила её у околицы. Она сунула мне в ру-

ки лепёшку. – Будь осторожна, дочка.

– А ещё говорят, – добавила она, оглядываясь, – что они к старосте приходят с предложением. Якобы хотят торговать. Но они же орки? Все знают, что золото орки себе добывают грабежом. Так что будь осторожна.

Я пожала плечами. Мне было не до того. Я думала о том, как прожить до зимы.

А еще через пару дней всё прояснилось.

Я шла по краю деревни, держась подальше от людных мест, и вдруг услышала грохот. Стук молотков. Гортанные, низкие голоса, но не злые.

Я осторожно выглянула из-за кустов.

Орки разворачивали ярмарку.

Прямо на поляне, где раньше пасли коров, появились грубо сколоченные прилавки. На них лежали ткани, каких я никогда не видела: шёлк с золотыми нитями, плотная шерсть с узорами, меха – лисьи, беличьи, даже песцовые. Были и вещи поскромнее: глиняные горшки, ножи с резными рукоятями.

Орчихи раскладывали товар. Они были ниже мужчин, но тоже широкоплечие, с крепкими руками. Их лица показались мне почти красивыми.

Люди из деревни приходили неохотно. Я видела, как Кузьма с отцом остановились на краю поляны, подозрительно косясь. Несколько баб зашептались и ушли. Только двое-трое смельчаков подошли к прилавкам, но быстро ретировались, когда на них уставились жёлтые глаза.

Мне на ярмарке делать было нечего, но я понимала, что это мой шанс.

Если орки торгуют, значит, они не убивают людей. Если на прилавках товар, то и приехали они не воровать. Они могли бы силой отобрать деньги, если бы захотели. А если они дают работу…

Я пересилила страх и вышла из-за кустов.

Первой меня заметила толстая баба Авдотья. Злая на язык сплетница. Она стояла у своего плетня и смотрела на ярмарку с опаской, но, увидев меня, тут же прошипела:

– Идиотка! Туда же прётся! Ещё и брюхо своё покажет. Срамница.

Я сделала вид, что не слышу. Шаг, другой, третий, и вот я уже на опушке. В лицо пахнуло жареной бараниной и травами. У одного из прилавков орчиха в фартуке резала мясо огромным ножом. Увидев меня, она улыбнулась или оскалилась, но доброжелательно.

– Здравствуй, – сказала она. – Что ищешь?

Я растерялась. Оглянулась на деревню. На меня уже смотрели. Соседи перешёптывались. Кто-то показывал пальцем.

– Я просто посмотреть, – выдавила я. – Никогда не видела такого.

– Смотри, – кивнула орчиха. – Не бойся. Мы не кусаемся.

Её голос был низким, но тёплым. Я вдруг почувствовала, что страх уходит. Или просто отчаяние пересилило всё остальное.

Я подошла ближе. На прилавке лежали тёплые платки. Мягкие и пушистые. Я погладила один рукой. Орчиха, заметив мой взгляд, сказала:

– Возьми, если надо. Отдашь потом, когда найдешь деньги. Мы тут на неделю, может две. В прошлой деревне месяц простояли, долго к нам люди привыкали.

Она хохотнула. Я сглотнула. Это было именно то, что я искала. Информация, которой у меня не было.

Сначала несмело я начала расспрашивать ее про соседние селенья. Орчиха охотно говорила, и я почти расслабилась. Со мной уже давно никто нормально не разговаривал, ни то что дружелюбно, а хотя бы как-то. Я задавала ей вопросы про работу, про то, как дойти туда, какие там люди.

Ответы меня не сильно обрадовали.

– Сложно мне судить, – произнесла она, – даже если люди там хорошие, но орков нигде не любят, поэтому к нам отношение всегда… – она, видимо, хотела сказать «плохое» или что-то в этом духе, но глянув на меня, смягчила реплику: – неоднозначное.

Я кивнула. Она права. Оркам сложно оценить, где какие люди. Орки и люди держались на расстоянии друг от друга. Я и не думала, что кто-то вздумает наладить между нами хотя бы торговые отношения.

Я отошла от прилавка, чтобы не обременять компанией свою новую знакомую. Внутри теплело. Они были другими. Настороженными к людям, но они пытались быть открыты-

ми.

Я обошла ещё несколько прилавков. Все обратили на меня внимание. Немудрено, ведь сейчас я была единственной из людей. Я прохаживалась, рассматривая товар. Может смогу сделать что-то подобное и предложить им? Может смогу заработать?

Но воодушевленные мысли сменялись печальными, если и смогу раздобыть золота, то что на него сделаю в нашей-то деревне? Разве меня кто-то пустит к себе хоть и за деньги? Так я сама не заметила, как дошла до повозки.

Взгляд скользнул по ней, но вдруг задержался на доске, закрепленной гвоздем. На ней было написано крупными корявыми буквами:

«ИЩУ ЖЕНУ. ДАМ КРЫШУ НАД ГОЛОВОЙ, ЕДУ И БЕЗОПАСНОСТЬ».

Я остановилась как вкопанная. Сердце пропустило удар.

Я перечитала раз, другой. Крыша над головой. Еда. Безопасность. Это было всё, о чём я мечтала последние недели. Это было больше, чем я смела надеяться.

Я подняла глаза на повозку. Неужели это правда? Такое возможно, что кто-то просто «ищет» жену?

Но ответа я не знала. Знала только, что передо мной единственная дверь, в которую я могу постучать. И я постучалась.

Глава 6. Разговор с орком

Я постучала. Тишина. Только где-то за спиной разговаривали орки, да болтали мужики. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его слышно на всю ярмарку. Никто не отвечал, а я больше не могла ждать. Боялась передумать и убежать.

Поэтому я резко потянула за дверь, та оказалась тяжелее, чем я ожидала, но все равно поддалась.

Я поднялась по лесенке и заглянула внутрь.

Повозка оказалась маленькой комнаткой. Всё было устроено удивительно компактно: кровать у стены, застеленная тёмно-синим одеялом. Рядом столик, на нем лампа и кружка. С противоположной стороны стоял массивный сундук, обитый железными полосами. Ничего лишнего. Всё скромное, но добротное.

А на кровати, поджав под себя ноги, сидел орк.

Тот самый. С жёлтыми глазами, которые смотрели на меня в тот вечер, когда караван только прибыл в деревню. Я его сразу узнала, поэтому растерялась еще сильнее.

Он был в простой льняной рубахе с широкими рукавами. В руках у него раскрытая книга. Тонкая, с потрёпанными страницами. Он читал. Орк читал книгу.

Я застыла. Язык прилип к нёбу. В голове ни одной полезной мысли. Не знаю, что меня больше поразило, что именно

он искал жену или книга в его руках.

Орк тоже замер. Его жёлтые глаза расширились, совсем чуть-чуть, но я заметила. Он смотрел на меня так, будто я была привидением. Будто он сам не ожидал, что кто-то зайдет к нему.

И тут я поняла странную вещь: он испугался. Не меня, нет. Он испугался того, что кто-то пришёл. Словно он сам не верил, что его объявление сработает, и теперь растерялся.

Эта мысль придала мне сил.

– Я… – Мой голос сел. Я кашлянула и начала заново: – Я пришла из-за объявления. Это вы ищете жену?

Орк моргнул. Медленно, будто переваривая услышанное.

– Я ожидал, – сказал он наконец, и в его голосе проскользнуло удивление, – что придёт кто-то, кому нужна помощь.

– Мне нужна помощь, – выпалила я.

Слова вылетели раньше, чем я успела их обдумать. Но отступать было некуда.

Орк отложил книгу и выпрямил спину. Только тут я поняла, насколько он огромен. В повозке с низким потолком он казался великаном. Я невольно сделала шаг назад, упёрлась спиной в дверь.

– Но вы молодая, – сказал он, глядя на меня внимательно. – И красивая. И на вид здоровая.

Красивая? Я опустила глаза. На мне был старый застиранный плащ, протертая обувь, лицо, наверное, осунувшееся от недоедания. Какая уж тут красота?

Но когда я подняла взгляд, я заметила странное: его щёки под зеленоватой кожей слегка покраснели. Орк смутился. Орк, который мог раздавить меня одной рукой, смутился от собственных слов.

– Я… просто… – Я замялась, собиралась придумать какую-нибудь историю, чтобы не упасть в глазах этого незнакомого орка, но не смогла ему соврать. И в итоге я заставила себя говорить правду: – В деревне меня считают падшей. Я не могу найти работу. Никто не берёт меня даже за еду. А живу я, – голос дрогнул, но я решительно сжала кулаки, – я живу в сарае. Сарай отцовский. Меня выгнали из дома. Но зимой я там умру.

Орк молчал. Его жёлтые глаза не отрывались от моего лица.

– И ещё, – добавила я, почти шёпотом, потому что дальше тянуть было нельзя, – я жду ребёнка.

Орк медленно перевёл взгляд на мой живот. Я не носила плащ застёгнутым, было душно, и под тонкой рубахой уже угадывалось округление. Небольшое, но заметное, если знать, куда смотреть.

Он смотрел долго. Я не дышала.

В голове пронеслось: «Он сейчас скажет «нет». Выгонит. И я останусь одна. Потом придет зима, и мы с ребенком умрем».

Но он молчал. И чем дольше он молчал, тем отчётливее я понимала: я хочу остаться. Я хочу, чтобы он согласился. Не

потому, что он орк. Не потому, что я его знаю или люблю. А потому, что эта тёплая, чистая, пахнущая деревом и травами повозка стала для меня единственным маяком в темноте.

Я больше не выдержу. Не выдержу камней от детей, плевков от мужиков, презрения от баб. Не выдержу сарая и мысли, что зимой мой ребёнок замёрзнет.

«Пожалуйста, – хотелось мне закричать. – Пожалуйста, не прогоняйте меня».

Но я молчала.

Орк поднял глаза. В них не было жалости. Не было брезгливости. Только какая-то тяжёлая, спокойная решимость.

– Хорошо, – сказал он. – Но есть условия.

И сердце моё замерло уже в третий раз за этот день. Я как-то об этом не подумала, надежда ослепила меня. Но ведь так логично, что жена ему нужна была не просто так. Что он собирался предложить? Смогу ли я это вынести? И будет ли это хуже того, что есть сейчас?

Глава 7. Условия

– Нам нужны люди для торговли, – сказал он.

– Вы торгуете людьми? – опешила я.

Он замотал руками:

– Нет, нет. В смысле для торговли с людьми.

Он так поспешно это добавил и мило растерялся, что я не успела представить себе худшие варианты, что могли бы меня ждать, если бы я оказалась права в своем предположении. Он стал подниматься, и я невольно сделала шаг назад, чтобы освободить ему пространство.

На его лице промелькнула паника, он вновь замотал руками:

– Я ничего не сделаю вам плохого, не бойтесь.

– Я не боюсь, – выпалила я чистую правду.

Удивительно, но, казалось, что это он меня боялся, хотя из нас двоих он – орк. Его брови полетели вверх. Он, наконец, спустился с кровати, и я оказалась права: ему было тесно. Он стоял, пригибая голову, занимая почти все пространство, что оставалось между кроватью и сундуком.

Он слабо кивнул на выход, и я юркнула на улицу. Сразу стало легче дышать. Ему, видимо, тоже. Потому как только он сошел со ступенек на землю, то выпрямился в полный рост. Я не могла отвести взгляд. Высокий, сильный, точно будет хорошей защитой для моего ребенка, если я с ним до-

говорюсь.

– Так и какие условия? – поспешила я вернуть разговор в нужное русло.

– Да, – кивнул он, – точно, условия. – И перевел взгляд с меня на ярмарку. – Как вы могли заметить, народу у нас тут немного.

Я посмотрела на скучающих торговцев за прилавками.

– Вас боятся, – согласилась я.

– Так и есть, – ответил он серьезно, – люди привыкли, что орки грабят, а не ведут мирную жизнь. Но здесь собрались те, кому это надоело. Мы хотим заниматься торговлей, но пока у нас это не очень получается.

Я не понимала, как это связано с его поисками жены. Он, очевидно, считал мое недоумение и пояснил:

– Если с нами будут жить люди, то они могли бы договариваться с другими людьми и зазывать сородичей на наши ярмарки, так постепенно мы бы наладили нормальные отношения между нашими видами. Проще всего, если это будет кто-то беззащитный. Например, женщина. Но я не собираюсь портить ни чью честь, поэтому ищу именно жену. Чтобы она могла путешествовать с нашим караваном и чувствовать себя защищенной и не опозоренной. Я предлагаю вам «фиктивные отношения». Вы мне помощь с торговлей, я вам свое плечо, если оно вас устроит.

– А-а-а, – протянула я. Это меняло дело. Так было даже лучше. Я-то думала, что этому орку нужны тепло и любовь,

а ему нужен тот, кто умел разговаривать. – Я согласна!

Восторженный крик получился слишком громким. На нас уставились все орки. Мой потенциальный муж все же был стеснительным. Его щеки вновь порозовели. Но голос его был спокойным:

– Может, хоть денек подумаете?

Я замотала головой, вцепилась в его рукав:

– Вы будете защищать моего ребенка и кормить?

Он кивнул.

– Тогда я согласна, – выпалила я вновь и тоже покраснела, потому что уже понимала, что за нами все наблюдали.

Для тех, кто заключил простую сделку, мы наверное были чересчур довольными. Я пожала ему руку и поинтересовалась:

– Когда я могу переехать к вам?

Он улыбнулся, не двигая рукой, которую я пыталась трясти в рукопожатии:

– Когда захотите. Меня Грон зовут. А вас?

– Нина. – Я пыталась сдерживать сумасшедшую улыбку, но та то и дело прорывалась. У моего ребенка будет еда, крыша над головой и орк-охранник. Я боялась довериться своему счастью, но не могла, глядя на Грона, подумать о нем плохо. На вид он был добрый, несмотря на габариты, клыки, зеленую кожу и мышцы.

Я вспомнила, как доверилась Дарьяну, и хорошее настроение, как ветром сдуло. Все же стоило быть осмотритель-

нее. Не могло быть все так хорошо. И стоило подумать, Грон прав. Но выбор был между ночевкой в теплой повозке и сараем, между известной опасностью и неизвестной.

И я сделала свой выбор.

Осталось сказать о нем остальным.

– Приятно познакомиться, Нина, – сказал он, широко улыбаясь.

___

Как вам орк?

Глава 8. Важный разговор

Ночь я провела в сарае. Вчера не решилась поговорить с родителями.

А теперь уже и не знала, решусь ли сегодня. Я лежала на сене, уставившись в потолок. Не сомкнула глаз всю ночь. Мысли напряженно крутились: Грон, его условия, фиктивный брак, повозка, еда, безопасность. И тут же: Дарьян, его предательство, моя глупость, доверие, которое он растоптал.

«А вдруг Грон такой же? Вдруг он использует меня, а потом выбросит? Но что я тогда теряю, ведь я уже на дне? Но вдруг орки ещё хуже людей? Вдруг я просто не могу представить те проблемы, с которыми он заставит меня столкнуться? От Дарьяна я тоже не ожидала плохого».

Я переворачивалась с боку на бок, сено шуршало, мыши скреблись в углу. В щели сарая проникал лунный свет.

– Нельзя доверять, – прошептала я в темноту. – Нельзя. Ты уже ошиблась один раз.

Но другая часть меня, та, что отвечала за выживание, твердила: «А у тебя есть выбор? Сарай? Зима? Голодная смерть с младенцем на руках?»

Я зажмурилась и погладила живот. Сама не помню, когда впервые начала разговаривать с ребенком:

– Знаю, малыш. Знаю. Мама что-нибудь придумает.

На смену беспокойной ночи пришло серое утро. И тут я

услышала голоса.

– …орки эти, – голос отца, приглушённый, но злой. – Староста говорит, не уйдут, пока ярмарку не закончат. А кто к ним ходит? Кто позорит деревню?

– Тише ты, – попросила мать. – Разбудишь же всех соседей.

– А мне плевать! – Отец сплюнул. – Всё через одну пошло. Сначала дочь опозорила, теперь эти зеленые рожи. Наверное, Нина своим поступком беду на деревню накликала. Была бы тихой, скромной, глядишь, и орки бы не пришли.

Я замерла. От обиды в груди защипало, к горлу подкатил комок.

– Не говори так, – мать вздохнула, – она и так наказана.

– Мало! – отрезал отец. – Пусть теперь знает, как отца позорить. И эти орки тоже её забота. Уже и туда навострилась, шлюха.

– Да как ты можешь о собственной дочери так говорить? – возмутилась мать. – Не пошла бы она туда.

– Ходила уже, – сказал отец, – видели ее.

Я зажала рот рукой, чтобы не всхлипнуть. Слёзы текли по щекам, я вытирала их рукавом, но они не кончались. Отец называл меня шлюхой. И винил в том, что орки пришли. Будто я могла наколдовать караван. Еще и мой поход на ярмарку сочли за очередное моральное падение.

Даже если так! А что мне оставалось, когда все от меня отвернулись?!

– Ладно, пойду, – буркнул отец. – Не болтай сама-то. И так все судачат.

Шаги удалились. Мать постояла ещё немного и тоже ушла.

Я вылезла из сарая только к обеду. Живот урчал от голода. Мать ничего не принесла с утра. Казалось, что она каждый день меня помаленьку забывает.

«Лучше уйду в лес, – подумала я. – Там хоть ягоды есть. И никто не плюнет в спину».

Я накинула плащ и побрела к опушке. Солнце стояло высоко, но в лесу было прохладно, пахло свежестью. Я углубилась в чащу, туда, где росли кусты черники и брусники.

Ягод было немного, но я собирала их сразу в рот. Кислые, терпкие, они хоть немного утоляли голод.

Я уже хотела повернуть назад, когда услышала треск веток. Кто-то шёл прямо на меня. Тяжёлый, нетвёрдый шаг.

– О, гляди-ка! – знакомый голос, пьяный и наглый. – Наша блудница ягодки собирает!

Дарьян вышел из-за кустов. Помятый, в расстёгнутой рубахе, от него разило перегаром за три шага. Глаза красные, волосы растрёпаны.

– Чего уставилась? – Он осклабился. – Не ждала?

– Мне не о чем с тобой говорить, – сказала я тихо.

– Ой, как заговорила! – Он засмеялся и шагнул ближе. – А помнишь, как в бане ты стонала? Тогда так гордо ты не разговаривала.

Я попятилась:

– Ты пьян. Уйди, пока я не позвала на помощь.

– Кого? – Он развёл руками. – Деревенские тебя шлюхой считают. Никто за тебя не вступится.

У меня сжались кулаки.

– Не твоё дело.

– А чьё же? – Дарьян шагнул ещё ближе, и я упёрлась спиной в дерево. – Может, хочешь развлечься? Репутации у тебя все равно нет, а так, может, тебе весело хоть будет?

– Нет, – отрезала я.

Дарьян нахмурился, его губа обиженно оттопырилась, как у маленького ребенка:

– Я что, тебе не нравлюсь больше? Ты же ждать обещала!

– Я и ждала, только вот не знала, что ты за человек, – выпалила я почти в истерике.

Он меня пугал. Он собирался вновь сотворить непоправимое. Но в этот раз против моей воли. Он захохотал злобно:

– Ты должна быть мне благодарна. Да кто тебя такую с пузом ещё возьмёт-то?

Я зажмурилась, готовясь к худшему. Но вместо этого услышала низкий, рокочущий голос. Спокойный, но от него мороз пробежал по коже:

– Я.

Я открыла глаза.

Из-за сосны вышел Грон. Огромный, плечистый, в простой рубахе, он казался скалой. Жёлтые глаза смотрели на Дарьяна холодно и тяжело.

Дарьян поперхнулся смехом и попятился. Его лицо вытянулось, пьяная наглость мгновенно улетучилась.

– Ты кто такой? – выдавил он.

– Я тот, кто возьмёт её, – сказал Грон. – С пузом. Без пуза. С ребёнком. Не твоё дело. А теперь уходи. Пока я не передумал.

Он не повышал голоса. Он говорил тихо. Но от этого голоса у Дарьяна задрожали коленки. Он попятился, споткнулся о корень, упал, вскочил и бросился прочь, ломая кусты.

Я стояла, прижавшись к дереву, и смотрела на Грона. Он перевёл взгляд на меня, и его лицо смягчилось.

– Не тронул?

– Не успел, – прошептала я.

Грон кивнул. Мне уже не было страшно, но стало стыдно, что вчера я обещала и не пришла.

– А что ты в лесу делаешь? – только и смогла произнести я.

– Хотел с тобой поговорить, – замялся он, – потом увидел, как ты в лес пошла, а потом еще одни шаги услышал. Ты вчера говорила, что в деревне у тебя репутация не очень, поэтому я не хотел, чтобы нас кто-то видел вдвоем в уединении. Я решил подождать, пока тот, кто шел за мной, пройдет мимо, а оказалось это за тобой шли. Дальше ты знаешь.

Я кивнула. Мне повезло, что Грон оказался рядом. Если бы не он, я даже боюсь представить, чтобы Дарьян успел натворить. Тем виноватее я чувствовала себя перед Гроном.

– Я не передумала, – сказала я ему. Его брови удивленно приподнялись. Я пояснила: – Просто испугалась.

– Понимаю, я – орк…

– Нет, – перебила я. – Не тебя. Своих родителей.

Желтые глаза удивленно округлились. Я оторвала спину от дерева и вдохнула полной грудью:

– Они не одобрят.

– Они уже не одобряют, судя по тому, что я слышал.

Мы переглянулись, но тут же отвели взгляды.

– Но их нужно предупредить, иначе они подумают, что меня украли орки, – озвучила я свои опасения.

– Мы могли бы сыграть нормальную свадьбу.

Я уставилась на него. Он спешно добавил:

– Ну чтобы никто ничего плохого не подумал. Пусть знают, что ты уезжаешь с мужем. Я же говорил, что поэтому и искал жену. Чтобы о женщине этой никто плохого не думал.

– Почему тебя интересует судьба какой-то неизвестной женщины? – прохрипела я. Меня накрывало обидой на остальных. Никто не пытался помочь, кроме незнакомого мне орка.

– Мы ведь будем путешествовать вместе, не хочу, чтобы мои домашние плакали, – просто ответил он.

И я пустила слезу от умиления. Его слова были такими человечными. Из леса мы вышли не скоро, потому что ему пришлось меня успокаивать. Но мы уже не скрывались, потому что я не сомневалась: Дарьян уже разболтал на всю де-

ревню о том, кто заступился за меня.

___

Будет ли это событие иметь последствия?

Глава 9. Прощание

Мы вышли из леса, когда солнце уже клонилось к закату. Грон шёл рядом, заслоняя меня от ветра.

Нас встретила пустая улица да запертые калитки.

– Я пойду с тобой, –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.